

Никита Семин

СЪН ПОМЕЩИКА 7

Никита Семин
Сын помещика 7

«Автор»

2026

Семин Н.

Сын помещика 7 / Н. Семин — «Автор», 2026

Из-за случайного убийства Роману теперь грозит реальный срок. А тут еще и влиятельный дворянин города желает "поставить щенка на место". И есть большой шанс, что ему это удастся, если только Роман не сможет найти помощь. Вот и повод, проверить те связи, что он успел завести за последние дни, на прочность.

© Семин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Никита Семин

Сын помещика 7

Глава 1

12 сентября 1859 года

Поместье Михайловых

— Господин, — разорвал тишину кабинета голос лакея.

— Говори, — мрачно приказал Борис Романович.

Время перевалило уже за полночь, а новостей от соглядатаев не было. Это заставляло мужчину нервничать.

— Пришел Сенька.

— Зови, — тут же встрепенулся мужчина.

Лакей исчез за дверью, чтобы через пять минут в нее зашел все тот же неприметный мужичок, который следил в последние дни за Романом Винокуровым.

— Вы схватили его? — упер тяжелый взгляд в своего шпиона Михайлов.

— Нет, господин, — стараясь не показывать свой страх, склонил голову мужичок. —

Тому были причины.

— Рассказывай, — процедил Борис Романович.

Выслушав мужичка, Михайлов поначалу хмурился, но когда тот рассказал о смерти кучера Перовых, расцвел в радостной улыбке.

— Вот он и попался, голубчик, — потер предвкушающе руки Борис Романович. — Сходи до Перовых, позови Николая Васильевича ко мне. Скажи, это срочно и касается его жены. Пора приструнить этого щенка!

Пока тарантас тащился по дороге, Арина прижималась ко мне, с испугом косясь на двух связанных мужиков. А я прикидывал, как их обезвредить, когда они очнутся, если вдруг попытаются сбежать. И в какой-то момент те ожидаемо открыли глаза. В полутьме были плохо видны детали — свет поступал только от немногочисленных масляных фонарей, стоящих вдоль дороги. Но все же общие контуры лица можно было разглядеть.

Поморщившись от боли, разбойники попытались освободить руки, да и вообще понять — где они находятся.

— Не дергайтесь, — решил я внести ясность в их положение. — Вас везут в полицейский участок под конвоем городских. Сбежать не получится.

Про конвой я конечно преувеличил, чтобы мужиков припугнуть. А то начнут здесь дрыгаться, могут и синяков той же Арине понаставить. А если лягнут ее сильно, так что до смерти? После происшествия с ее кучером я уже ничему не удивлюсь. Но те наоборот, словно успокоились. С одной стороны это радовало, а с другой — настораживало. Уж слишком быстро они успокоились, и даже договориться не пробуют. Рот-то им никто не затыкал.

Наконец мы доехали до участка. Конный городской первым делом соскочил с лошади и приказал ждать его, а сам забежал внутрь. Но вскоре вернулся с двумя рядовыми. Я пока мужиков из тарантаса не выпускал, чтобы по улице не побежали. В одиночку я только одного в таком случае догнать смогу.

— Выходите, — скомандовал подошедший полицейский.

Его младшие по чину сослуживцы споро приняли налетчиков. Я вышел сам и подал руку Арине — этикет, меня бы не поняли, если бы этого не сделал.

— Прошу пройти за мной, — сказал нам с девушкой городской.

— В случае, если я задержусь, — коротко шепнул я Митрофану, проходя мимо, — сообщи обо всем моей невесте.

Тот молча кивнул, нахмурил брови.

Внутри участка народу почти не было. Только те два рядовых, что вышли нас встречать, и один офицер. Он сонно хмурился, когда мы зашли. Очевидно уже готовился поспать во время дежурства, а тут наше появление его разбудило.

— Попрошу ваши документы, — первым делом обратился он ко мне.

Я протянул ему свой паспорт. Изучив его, он вернул мои бумаги, после чего вопросительно посмотрел в сторону Арины.

— Это госпожа Перова. Арина Борисовна.

Похоже в лицо девушку офицер не знал, но ее имя было ему известно. Вон как подтянулся и тут же вся сонная вялость пропала.

— Сутин, доложи, что произошло, — обратился он к городовому, который нас привел сюда.

— Был на обходе со стражником Федуевым. Во время обхода к нам подбежал мужчина из податных. Сказал, что на его барина напали. Мы выдвинулись в сторону, куда указал свидетель происшествия. Там обнаружили двух связанных мужчин, этого молодого господина с барышней, и один труп — со слов господ, это был кучер барышни. На месте происшествия я оставил Федуева, а сам привел обе стороны конфликта сюда.

Приняв доклад от подчиненного, офицер перевел взгляд на меня.

— Прошу изложить вашу версию событий, — тяжело вздохнул он.

После чего огляделся и указал пальцем стражнику на кувшин и стакан.

— Могу налить воды, если желаете, — добавил он.

— Как вас звать? — решил я прояснить для себя этот момент.

— Виталий Ефимович Одолец. Околоточный надзиратель, — ответил офицер.

— Виталий Ефимович, я возвращался от купца Али, у которого был в гостях. Когда подошел к дому, где снимаю комнату, мимо проезжала госпожа Перова. Как я понял, она совершала вечерний променад. Мы знакомы, поэтому она окликнула меня. И когда я подошел поздороваться, подбежали двое неизвестных. Они напали на меня со спины и пытались связать. Из их перешептываний я так понял, что меня хотели куда-то увезти. Мой кучер не растерялся и побежал звать моего личного слугу. Они-то и помогли мне одолеть нападавших, а затем и связать их. Я приказал своему кучеру бежать и звать городских. Пока мы ждали их и вязали неизвестных, я услышал крик госпожи Перовой. Обернувшись, увидел, как ее пытается затолкать в ее же карету какой-то человек. Кто это, я не знал. Подскочил, ударил его в спину, а затем потянул за ноги, чтобы вытащить из кареты госпожи Перовой. Дернул резко, впопыхах, от чего тот ударился головой о мостовую. Так уж получилось, что удар вышел смертельным, — на этом моменте я передернул плечами. До сих пор мне не верится, что я убил человека. Даже сейчас мне кажется, будто это все глупая шутка. — Дальше все было так, как рассказал ваш подчиненный.

Одолец перевел взгляд на Арину, которая жалась ко мне, пытаясь словно спрятаться за моей спиной. Заметив, что на нее обратили внимание, она выдавила из себя:

— Все было так, как сказал Роман.

— Хорошо, — вздохнул надзиратель. — Напавших на вас лиходеев мы пока под арест возьмем, а утром уже и допросим, как господин пристав придет. Вы пока свободны. Но вас, — посмотрел он на меня, — я попрошу город не покидать.

Я мысленно выдохнул. Думал, прямо сейчас и меня арестуют — дело-то не шуточное. Но видимо Виталий Ефимович не хочет на себя ответственность за задержание дворянина брать.

— Я хотел бы знать, кто на нас напал, — решил я ковать железо, пока горячо.

— Утром приходите и разговаривайте по этому поводу с господином приставом, а лучше с самим господином полицмейстером — отрезал Одолец.

Ну и на том спасибо. Мы с Ариной поднялись и двинулись на выход, как вдруг дверь распахнулась, и внутрь уверенным шагом зашел Борис Романович. Девушка тут же испуганно икнула и попыталась скрыться у меня за спиной. А я хоть и не маленького роста, но и Арина не тростинка. Естественно у нее ничего не вышло.

— Дочь, — грозно произнес Михайлов в наступившей тишине. — Потом объяснишь, как ты здесь оказалась. А сейчас иди домой.

За спиной мужчины выглянул муж Арины, скривившийся, словно лимон откусил, стоило ему увидеть меня. Девушка не осмелилась перечесть отцу и, уткнувшись взглядом в пол, просеменила на выход. А Борис Романович тем временем повернулся к надзирателю.

— Я требую арестовать этого человека, — ткнул он в меня пальцем, — за убийство.

Одолец скривился, словно от зубной боли.

— Арестовать дворянина без веской причины...

— Он убил моего слугу! — выкрикнул из-за спины Михайлова Николай Васильевич.

— Откуда вам это известно? — тут же встал в стойку надзиратель.

Да и я лишь вначале растерялся от требований и обвинений Бориса Романовича. Но после слов офицера и я задался тем же вопросом. А могли ли те два сидящих сейчас в камере мужика работать на Михайлова? Перов от вопроса растерялся, но не Борис Романович.

— Я не оставляю без пригляда свою дочь, — вскинул он подбородок. — Когда произошло нападение, мне тут же доложили о том. Из кровати подняли, и я сразу примчался к вам. И Николая Васильевича поднял, рассказав ему то, что мой человек, приставленный к Арине, мне поведал.

Удовлетворившись ответом, надзиратель тем не менее не спешил брать на себя ответственность за мое задержание.

— Сутин, — посмотрел он на конного стражника, которого до сих пор не отпустил, а тот без приказа не посмел сам уйти, — скажи до полицмейстера.

Тот щелкнул каблуками и тут же умчался на улицу. А Виталий Ефимович посмотрел тяжелым взглядом на Михайлова.

— Прошу вас дождаться Терентия Павловича. Всем, — перевел он взгляд на меня.

Борис Романович попытался надавить на офицера, но тот упорно переводил стрелки на своего начальника. Мол, без него и веских улик против меня не имеет он права задерживать дворянина. Пришлось тому «утереться». Но ситуация для меня скверная и как выйти из нее, я пока не знаю. Приходится ждать.

— Сколько веревочке не вейся, а результат один, — вздыхал Митрофан, сидя на облучке тарантаса.

Мужик размышлял, какой у него беспокойный барин. А главное — словно проклятый в отношении баб. Они сами на него вешаются, а когда им отказывают, то проблемы его господину доставляют. И однажды это не могло не привести к чему-то подобному.

Тут к участку подъехала бричка, и Митрофан насторожился. Из нее вышло два высоко-родных господина. Один постарше, другой молодой, и уверенным шагом оба двинулись в участок. Молодого Митрофан узнал, от чего у него возникло нехорошее предчувствие.

— Ой, что же сейчас будет... — прошептал он.

Через пять минут из участка выбежала та самая девица, с которой барин в тарантасе ехал, жена того самого молодого только что приехавшего господина. Митрофан думал, что и ее муж выйдет, но время шло, а никого больше не появлялось. А затем и конный стражник стрелой выскочил из участка и, вскочив на коня, пустил того в галоп.

— Ой, нехорошо все это, — покачал головой Митрофан. — Как бы Роман Сергеевич куковать тут на всю ночь не остался. Или чего похуже не случилось.

Чуйка мужика говорила ему, что медлить нельзя. Барин по головке его не погладит, если он без молодого господина в поместье вернется. И плевать ему в первые минуты будет, что мужик ничего и сделать-то не мог. Ох и познакомится тогда он, Митрофан, с барской плетью!

Стиснув зубы, мужик хлестнул лошадь по крупу. Надо помощь звать. Беда была в том, что город не знакомый. И хороших друзей у господина здесь нет. К его невесте ехать? Негоже бабу в такие дела втягивать. Господин приказал той сообщить, если он задержится. Но не говорил, что она чем-то помочь сможет. Митрофан к ней в самом крайнем случае двинет. А сейчас есть и иной вариант. Тот персидский купец. Раз уж Роман Сергеевич у него в баньке парился, то отношения у них доверительные. И Роман Сергеевич никогда хулу на того не возводил, а с радостью ехал к тому в гости. Опять же, баре иностранцев уважают. Нанять такого для них за честь. Мовет, и тут этот перс помочь сможет.

— Так это ваши люди на меня руку подняли? — завел я разговор при надзирателе с Михайловым.

Ожидание было томительным, а мне нужно было кровь из носу получить больше аргументов в свою пользу. Борис Романович высокомерно промолчал. Тогда я обратился уже к Одольцу.

— Виталий Ефимович, может, пока господина полицмейстера ждем, вы допросите тех двоих? Чьих они будут? — повернулся я к офицеру.

Ему мое предложение не понравилось.

— Всему свое время, — буркнул он.

— Просто смотрите, какая ситуация получается, — не собирался я успокаиваться, — по возвращению домой на меня напали. Из разговора нападавших, собирались куда-то привезти. А тут Борис Романович говорит, что за его дочерью его люди следили. Получается, это его людишки? И тогда уважаемый глава дворянского собрания пытался похитить дворянина? Да еще несовершеннолетнего?

— Вам нет шестнадцати? — удивленно вскинул брови Одолец.

— А вы как мой паспорт смотрели? — хмыкнул я.

И снова достал бумагу из кармана, протянув офицеру. Тот уже более внимательно ее изучил, после чего вернул мне.

— Как заинтересованная сторона, — начал он, поглядывая на поджавшего губы Бориса Романовича, — господин Михайлов не может представлять ваши интересы. Есть ли кто-то совершеннолетний и связанный с вами человек в городе?

— Только невеста, — мрачно констатировал я, больше для себя, чем для офицера. — Но лучше ее не впутывать в это дело.

— Еще бы, — фыркнул Борис Романович, — мою дочь охмурить пытался и думал, что это скрыто будет!

— Мне не нужна ваша дочь, — отрезал я. — И вы о том, раз уж следите за мной, прекрасно знаете. И вот что, Борис Романович, — процедил я, подойдя вплотную к мужчине, и посмотрел ему прямо в глаза, — вы зря делаете из меня врага. Я за собой вину не чую, да и нет ее у меня. А вот вашу нечистую игру весь свет узнает, если не отступите.

К его чести, он не дрогнул.

— Ты не знаешь, кому пытаешься угрожать, щенок, — прошипел он в ответ. — Я тут сила, а ты — никто. В порошок сотру.

Воздух между нами будто наэлектризовался. Тронь — искра пробежит.

— Кхм, — за моей спиной покашлял в кулак надзиратель. — Господа, прошу вас не устраивать здесь склок. Вы в государственном учреждении.

Я медленно вернулся к стойке, за которой сидел офицер, мазнув глазами по лицу Перова. Николай Васильевич был бледен. Похоже, он не ожидал, что так все повернется.

Ждать нам пришлось еще целых полчаса. За это время больше никто из нас не проронил ни слова. Но вот за дверью раздались тяжелые шаги, и через минуту она распахнулась, пропуская внутрь новое лицо. Одутловатое, со следами недавних возлияний. От него даже сейчас пахло перегаром, а глаза были мутными. Сразу видно — господин полицмейстер хорошо отдыхал в это воскресенье. И отдыхал бы дальше, да тут мы его сорвали.

— Одолец! — рыкнул он, — какого черта здесь происходит?! Чего ты меня, а не пристава дернул?

— Господин полицмейстер, — вытянул перед старшим по званию офицер. — Убийство по неосторожности!

— И кто кого убил? — обведя нас мутным взглядом, уточнил он.

— Он моего слугу, — тут же ткнул в меня пальцем Михайлов.

— Борис Романович? — словно только сейчас заметив мужчину, удивленно выдохнул полицмейстер. — И ты из-за такой мелочи меня дернул? — накинулся он на надзирателя. — Да кинь ты этого убийцу в арестную комнату, завтра с ним разберемся!

— Терентий Павлович, это дворянин, к тому же несовершеннолетний, — осмелился возразить начальству Одолец.

— Убил — в тюрьму, — пьяно махнул рукой полицмейстер. — Завтра разберемся.

Я слушал его и офиг... все больше шокировался такой простоте. Нет, возможно, будь этот Терентий Павлович трезвым, то так запросто не раздавал подобные приказы. Но в данную минуту он видел перед собой главу дворянского собрания, которого похоже отлично знает, а может и кормится с его руки, как тот же Губин у покойного ныне князя Белова, и неизвестного ему парня. Дворянин? Да какая ему сейчас разница. Его от отдыха оторвали! Это прямо читалось в его мутном и неприязненном взгляде.

— Прошу пройти за мной, — с каменным лицом сказал мне Виталий Ефимович.

— Посиди в холодной, — презрительно бросил мне Михайлов. — Подумай, а потом уже и поговорим.

Возражать и сопротивляться сейчас не было смысла. Если с убийством еще как-то можно уладить дело, то вот сопротивление власти при свидетелях стало бы для Михайлова безусловной победой. К тому же далеко не факт, что мне вообще удалось бы сейчас раскидать Одольца и двух рядовых, что подошли ко мне. Не говоря о том, что и сам Борис Романович мог им помочь. Ударить там исподтишка, или еще что сделать.

— Ведите, — выдохнул я сквозь зубы.

Мда. Не зря говорят — от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

Около дома купца Али

Митрофан еле убедил слуг купца разбудить своего хозяина и передать, что у него есть срочная весть для того. Лишь через полчаса перс вышел на порог.

— Что случилось? — посмотрел он сверху вниз на Митрофана.

— Моего господина задержала полиция, — Али тут же изменился в лице.

— И ты посмел сюда явиться? — воскликнул он и тут же заозирался испуганно.

— Послушайте, — заторопился мужик. — На него напали прямо у порога дома. Господин отбил, и связал разбойников, но одного он того... случайно пристукнул. Он сам полицию позвал, а там барин важный потом пришел. Он господина даже не любит, видно. И выпустят Романа Сергеевича, али нет — то мне неведомо.

По мере рассказа Митрофана, купец хмурился все больше и больше.

— Сюда-то ты зачем прибежал? — спросил он, когда мужик замолчал.

— Дык это, — растерялся конюх. — У господина туточки друзей почитай и нет. Токмо невеста. А вы к нему со всей душой, вот я и подумал... — развел руками Митрофан.

— Я тебя услышал, ступай, — помахал пальцами Али.

— А как же господин?..

— Ступай, говорю, — прикрикнул на мужика купец. И уже спокойнее добавил. — Уверен, ваша полиция во всем разберется.

Дверь перед носом Митрофана закрылась, оставив того в растерянности.

— Вот вам и иностранцы, — прошептал убито мужик. — Еще и иноверцы. И с чего я, дурак, подумал, что им дело до Романа Сергеича есть? Надо и впрямь к Анастасии Петровне, да ее сестре бежать.

Тяжко вздохнув, ведь непонятно, как девицы среагируют, узнав о той барышне, что на Романа Сергеича кидалась, Митрофан сел на облучок и в который раз за день стегнул лошадь вожжами. Вот же беспокойная ночка!

— Еще и дождь скоро закапает, — покосился на небо мужик.

Духота не спадала, а это верный признак — под утро ливень будет.

— Что-то случилось? — спросил у Али разбуженный голосами за окном Фаррух.

Купец и рад бы промолчать, но Фаррух-хан уважаемый человек и имеет какие-то дела с этим русским парнем. Лучше будет все же предупредить его о проблемах у юноши.

— Нашего гостя задержала полиция, — выдохнул он скорбно.

— За что? — тут же напрягся мужчина.

— На него напали около дома, но Роман-ага настоящий мужчина и смог за себя постоять. Но при этом не сдержал своих сил и убил одного нечестивца. А вы же знаете законы этой страны. Даже за такую смерть здесь положено наказание.

Фаррух задумался. Если Винокурова посадят, то их договоренностям конец. Стоит ли лезть в это дело? Но если там и правда все прозрачно, то можно будет и помочь. Теми же деньгами. Фаррух знал законы Российской империи и был уверен, при справедливом суде Роман долго в застенках не просидит. Дня три самое большее. Пусть сам Фаррух ратовал за равные права между людьми, но в России для дворян делали сильные поблажки. И сейчас это было ему на руку. Другой вопрос — стоит ли вмешиваться в это дело?

«До утра не буду суетиться, — решил мужчина. — А там уже собрать информацию нужно — что там на самом деле случилось».

— Узнай утром, вернулся ли Роман из полиции, и если нет — что конкретно случилось. Во всех деталях, — приказал он Али.

— Как прикажете, Фаррух-хан, — поклонился купец.

Квартира Скородубовых

— Он в тюрьму из-за Перовой попал? — потрясенно прошептала Настя. — Так у них тайный роман?

— Сестрица, ну что ты мелешь? — раздраженно отмахнулась Анна. — Ты же слышала, что Митрофан сказал. Роман домой возвращался, когда на него напали.

— Но что там Перова делала-то? — воскликнула девушка. — А ведь я ее видела сегодня! — лицо девушки словно озарилось пониманием. — На набережной. Она на лавочке сидела. А как нас увидела, так сразу поднялась и ушла. Я еще подумала, что мне показалось.

— Сестрица, ты не о том думаешь, — вздохнула тяжело Аня.

— А о чем? Он ее голой рисовал! — возмущенно воскликнула девушка. — Разве бы ты согласилась обнаженной позировать перед чужим мужчиной? А она стала! И что мне тогда думать?!

Мужик тихонько сжался в углу и старался не привлекать внимания. О таких подробностях жизни своего господина он не ведал. И лучше бы и вовсе не знал.

— Митрофан, — отмахнувшись от сестры, строгим голосом позвала конюха Аня. — Расскажи все заново и во всех подробностях. Ничего не упусти, понял? Это важно!

— Как скажете, госпожа, — закивал мужик.

И принялся по новой говорить, но на этот раз стараясь ничего не упустить, как и было приказано. Анна слушала внимательно. Настя тоже, вот только по-своему.

— Ты слышала? Он в карету к ней сел! — воскликнула Настя. — Зачем, если у них нет тайной связи?

— Настя! — рывкнула раздраженно на нее сестра. — У тебя жених в участке сидит, арестовать могут, а ты о чем думаешь? Подозревать его потом будешь, или не любишь его?

Девушка обиженно замолчала, а Митрофан продолжил рассказ. Наконец он выдохся. Анна задумчиво постукивала пальцем по губе, сосредоточенно пытаясь найти способ помочь будущему зятю. Настя сердито сопела рядом. Клара Васильевна стояла за спиной девушек и молчала, неодобрительно взирая на обеих.

— Тот важный господин, который в полицейский участок зашел — опиши его, — потребовала Анна у мужика.

Митрофан постарался вспомнить.

— Ну... солидный такой, в годах. С бородой и усами, как положено. Держался важно.

— Ты видел его раньше? — раздраженно перебила конюха Анна.

— Не припомню, — замотал головой Митрофан. — А вот второго, что с ним шел, знаю. Это муж той госпожи был, которую Роман Сергеевич у дома встретил.

— Конечно муж, вот он точно за женой приехал, а не сидит дома, как я. Сразу кинулся разбираться, наверняка понял, что та загулять решила, — прошипела Настя.

— Знаешь, — холодным тоном заговорила с ней Анна. — Когда все разрешится, я Роману расскажу, как ты его поддерживала в трудную минуту. Посмотрим, не откажется ли он тогда от свадьбы. Зачем ему такая подруга жизни ревнивая?

Настя сначала опешила, а потом испуганно зажала рот.

— Ладно, — повернулась Аня к мужику, — ступай куда обратно. Если Роман не вернется, утром приходи. Сейчас все равно ничем ему не поможешь. Только с утра можно будет все узнать, да с нужными людьми связаться.

— К кому ты обратиться думаешь? — не выдержала Настя.

— Потом обсудим, — прошипела на нее сестра.

Митрофан откланялся и ушел. Уже после этого Анна тяжелым взглядом окинула Анастасию.

— Я сейчас даже жалею Романа. Не думала, что у меня сестрица настолько... недалекая, — выплюнула она. — Иди спать. А то с таким настроением только хуже все сделаешь.

Арестантская комната оказалась гораздо лучше, чем я себе представлял. Вполне чисто. Койка хоть и привинчена, но матрас имеется. А спустя десять минут младший городовой, как назывались здесь рядовые полицейские, и белье чистое принес. Даже стол здесь был со стулом. Все простое из дерева, без излишеств. В углу ведро стоит, почти такое же, каким я дома пользовался до постройки туалета. Окошко правда забрано решеткой и довольно узкое, но что уж теперь. Света нет. Не то что лампочки — такого и в богатых домах не сыщешь, но и простой лучины. Городовой с факелом заходил, чтобы мне постелить.

— Завтрак утром принесем, господин, — прогудел служивый.

— Благодарю, — кивнул я ему.

Когда он ушел, я лег на постель и задумался. Ситуация аховая, но не беспросветная. Тут многое зависит от того, насколько «длинные» руки у Бориса Романовича. Завтра Митрофан

расскажет близняшкам о моем положении. Что они предпримут? Первым делом стоит моим родным написать, чтобы в курсе были. Особенно отцу. Михайлов на него может начать давить, а без информации, как именно все произошло, этот прохвост может ему так все подать, что отец ему на блюдечке лесопилку преподнесет. Да еще мастерскую на сдачу отдаст. И на справедливый суд тоже можно не особо рассчитывать. Вон как местный полицмейстер от меня отмахнулся, стоило ему Михайлова увидеть. Не думаю, что протрезвев, он сильно изменит свое отношение ко мне. Сами близняшки тоже мне не помогут. Нет у них связей подходящих. Ну к кому они могут побежать? К той же Совиной? А пойдет ли сутенерша против главы дворянского собрания? Это даже не смешно. Про Аверьянову они не знают. Да и зачем Марии Парфеновне на мою сторону вставать, даже если она узнает обо всем? Я ей еще за прошлый раз долг не отдал. Нет, щелкнуть по носу Михайлова — это одно, а вот идти на открытый конфликт — совсем иное. И как назло Петр Егорович в плавании. Вот уж кто мог и слово свое веское сказать, и в открытую против Михайлова пойти. Он правдоруб, а правда сейчас на моей стороне.

Долго я гадал, как сложится мое будущее, но сон все же сморил.

Утро началось с удара по двери.

— Ваше благородие, завтрак, — донесся до моего затуманенного сном разума голос.

Продрав глаза, я посмотрел на вошедшего городского. Это был какой-то новый, не тот, что ночью меня сюда сопроводил. Он поставил тарелку с кашей и стакан чая на стол, после чего удалился. Скучно, но ладно. Авось, я тут ненадолго. С такой позитивной мыслью я для начала провел свою обычную тренировку. И только после этого приступил к еде.

Я думал, меня сразу после завтрака позовут на допрос, но ошибся. Ждать пришлось гораздо дольше...

Дом, где Роман снимает комнату

Утром улица возле дома была чиста. Лишь темное пятно на мостовой напоминало о ночном происшествии. Две брички остановились почти одновременно у подъезда. Из одной вышли две девушки. По их внешности всем сразу становилось ясно, что они сестры. Из другой — представительный мужчина с южными чертами лица. Мельком глянув друг на друга, они вошли внутрь. И остановились около одной и той же двери.

— Дамы? — удивленно посмотрел на сестер Фаррух-хан. — Вы к Роману Сергеевичу?

— Да. Вы тоже? — напряженно спросила одна из них.

Вторая нервно теребила рукав своего платья и покусывала губу.

— Да. Хан Фаррух Резаи, — представился мужчина.

— Скородубова Анна Петровна, — ответила девушка. — А это моя сестра — Анастасия.

— Приятно познакомиться, — учтиво кивнул перс.

На стук в дверь никто не отвечал, что заставляло девушек нервничать. Еще немного подождяв, мужчина пошел к домовнику — узнать, где расположены слуги Романа. Заодно спросить, не был ли он сам свидетелем ночных событий.

— Спал я, господин, только утром и узнал о том, что творилось за порогом, — испуганно перекрестился домовник. — А слуг господина Винокурова я сейчас позову.

Уже спустя десять минут гости вошли в комнату, снятую Романом. Открыл им Тихон. Он же и стал первым отвечать на их вопросы, а там и Митрофан подключился. Постепенно картина произошедшего сложилась полностью. И если сестры ее уже знали, то вот для Фарруха сведения были новыми. И совсем не такими, как ему передал ночью Али. Опасения, что задержание Романа может быть как-то связано с его деятельностью, у мужчины развеялось. Не зря он решил лично поехать, а не отправил купца, как думал это сделать ночью.

— Полагаю, нам стоит посетить тот полицейский участок, — предложил он дамам. — И узнать, как там Роман Сергеевич. Что вменяют ему и планируется ли суд.

— Да, вы правы, — кивнула ему Анна.

— А вы, наверное, его невеста? — улыбнулся мужчина.

— Нет, эта честь досталась ей, — ткнула Настю в бок девушка.

— А? — встрепелась та.

— Похоже, вы шокированы произошедшим, — заметил Фаррух. — Но я уверен, все обдумается. Не стоит себя так изводить.

Анастасия поджала губу и судорожно кивнула. Сознаться, что она больше переживает о возможном тайном романе жениха, а не о его задержании, девушка не стала. В ее голове не укладывалось, что Романа могут посадить. Ведь он никого специально не убивал. Все случайность. Да и произошла она, как бы страшно это ни звучало, всего лишь со слугой. А вот его возможная неверность... это ее заботило гораздо больше.

Не только Скородубовых и Фарруха волновала судьба парня. Борис Романович тоже тревожился о нем. Правда его намерения были ровно противоположны. Не то, чтобы он прямо жаждал упечь юношу в тюрьму. Это мужчина рассматривал как крайнюю меру. Главное для него было — поставить выскочку, посмевшегося ему дерзить и даже угрожать, на место. Заставить того молить о прощении, ну и попутно получить еще и материальную выгоду. Дочь тоже учудила. Однако Борис Романович надеялся, что уж в этот раз она поймет, насколько заблуждалась. И в том, что сможет что-то скрыть от него, и в том, что не следует воплощать вычитанные в романах фантазии в жизнь. Николай его разочаровал. Не смог уследить за женой! Позволяет ей слишком многое... Если бы не его должность, то мужчина никогда не дал бы свое согласие на их брак. Но иметь в родственниках уездного врача ему показалось выгодно. Это ведь не только полезный лично для себя человек, к которому можно в любой миг по поводу недуга какого обратиться. Но и узнать через него о состоянии здоровья других дворян их уезда. А кроме них — состояние богатых горожан, да уважаемых людей. Ну и как дела обстоят с эпидемиями среди крестьян тоже быть в курсе. Все это полезно, когда твоя власть стоит на интригах. Информация — вот ключ от любых дверей. Но сейчас Борис Романович жалел, что кроме должности, как мужчина Перов собой мало что представляет. Слишком мягок. Чересчур покладист. Вон, даже стоя перед тем, к кому его жена убежала, больше молчал и бледнел. Ни слова не сказал, будто язык проглотил. Но как бы то ни было, управлять таким человеком проще, чем с сильной волей.

— Карета подана, господин, — вырвал из размышлений мужчину лакей.

Тот молча встал и вышел из кабинета. Пусть полицмейстер вчера, будучи изрядно выпившим, швырнул щенка под арест, но сегодня он протрезвеет и может сдать назад. Трусоват, всем угодить хочет. Если Винокуров сможет ему доказать, что за ним стоит хоть какая-то сила, то щенка выпустят из тюрьмы. Как минимум до суда. А на воле давить на него станет не в пример сложнее. Потому откладывать разговор с парнем нельзя. Как и с полицмейстером. И узнать бы еще, к кому из приставов дело это поручат.

Глава 2

12 сентября 1859 года

Признаться, сидеть в камере было скучно. Нет, не так — сидеть было ДИКО скучно. Никуда не выйти, не почитать, даже картину не нарисовать или на гитаре сыграть. Вообще с развлечениями — полный ноль! Хорошо хоть духоты вчерашней не было. Дождь под утро похоже прошел, но сейчас ничего не капало. Зато приятно пахло озоном из зарешеченного окна, в котором ставни были открыты.

Через час после приема завтрака я не выдержал и решил позвать кого-нибудь. На мой стук в дверь отреагировали далеко не сразу. Но все же минут через десять подошел дежурный городской.

— Чего буяните, ваше благородие? — сухо спросил полицейский.

— Да вот, хочу поинтересоваться — дозволено ли мне что-то, кроме простого сидения на лежаке?

— Нет, — буркнули мне в ответ.

— Совсем? — уточнил я. — Тут со скуки можно умом тронуться!

— Больше недели вас здесь не продержат, — «успокоил» меня городской. — А за семь дней еще никто умом не тронулся, ваше благородие.

— По мне принято какое-то решение? — тут же наострил я уши.

— Мне то неведомо.

— Но ты же сказал — больше семи дней я здесь не просижу.

— Не положено больше этого срока у нас держать, — пояснил мне служивый. — Или вас раньше выпустят, или в другое место переведут.

Тут его окликнули, и городской ушел. Ну хоть какая-то ясность появилась. А то без информации тяжко.

Снова улегшись на кровать, я стал размышлять — чем может закончиться вся эта история. Вариант первый, самый плохой — меня признают полностью виновным. Тогда я на неопределенный срок лишаюсь свободы. Буду ли лишен дворянских привилегий — другой вопрос. Черт, и почему я после истории с князем не ознакомился подробнее с судебной системой собственной страны?! Сейчас бы не гадал на кофейной гуще. Зато после случайной смерти Акима из разговоров с родителями я твердо запомнил, что срок даже за случайное убийство дают вполне реальный. И статус от него не освобождает, лишь смягчает наказание. То есть вместо четырех лет, к примеру, я просижу два. Вообще из тех разговоров я запомнил, что случайное убийство тоже имеет свои градации, и итоговое наказание в любом случае определяет суд. В который входят дворяне. А «своих» не принято судить слишком строго. Но все равно, за решетку неохота.

Ладно, подумаем, почему может настать именно этот самый худший для меня сценарий? Ответ очевиден — Михайлов. Этот самовлюбленный и властолюбивый человек не простит мне дерзости и покушения на честь его дочери. И плевать, что она сама эту честь мне стремилась отдать. В общем, Борис Романович будет давить, насколько сможет. Но также он еще и жаден до денег. Поэтому начнет он может и с угроз, но оставит мне возможность разойтись «мирно». Начальную его ставку я уже знаю — треть лесопилки. Но думаю, сейчас она уже неактуальна, тут он скорее поднимет цену моей свободы до половины. Всю вряд ли заберет — зачем ему дело на чужой земле, которое он толком и контролировать не сможет? Или же...

— Ну конечно, — грустно фыркнул я.

Зачем ему контролировать? Просто получит права и нам же их продаст. Ладно, интерес Михайлова для меня в целом понятен. Если бы лучше знал законы, уже сейчас понимал бы,

на что он будет давить, и что из его слов является блефом. А блефовать он любит, попытка запугать меня опорочиванием чести Анастасии это подтверждает.

— Так, а я могу что-то вообще ему противопоставить? — задумался я.

Ну, можно просто его послать. Лесопилку сохраним, а вот свободы я тогда лишусь. Что есть в мою защиту? Показания мои, моих слуг и Арины. А! Ну и еще тех двоих, что на меня напали, спрашивать будут. Если все показания совпадут, то могу отделаться минимальным сроком. Но все же — сроком, что печально. Но ведь Михайлов может на свою дочь надавить, чтобы она оболгала меня. С этой стороны хорошо, что Одолец опросил нас. Михайлову придется тогда еще и его подкупать, чтобы он не выступил на суде. Или дал ложные показания. На этом можно будет сыграть. Но опять же — все это поможет мне лишь скостить срок, а не выйти сухим из воды.

Я вспомнил с досадой, как дергал мужика за ноги. Как он стучался сначала головой о ступеньку кареты, а потом о мостовую. И не встал. Я до сих пор не мог осознать, что убил его. В моей голове это был просто факт, без эмоциональной привязки. Я не смотрел в его мертвые глаза, не щупал пульс, и в темноте он тогда выглядел просто потерявшим сознание. Если бы его проверял не городской, а кто другой, я и вовсе бы подумал, что меня пытаются обмануть. Поэтому у меня не было ни чувства раскаяния, ни страха от содеянного... ничего. И я не понимал, как к этому относиться. Что-то во мне не так? Или меня «накроет», просто позже?

Так я и крутил мысли в голове, маясь от безделья и даже молиться начал, чтобы поскорее меня дернули или к приставу, или Михайлов пришел со своими требованиями. Все лучше, чем полная неизвестность.

— Вы к кому, барышни? — спросил зашедших в участок девушек стоящий на карауле городской.

— У вас в арестной комнате сидит мой жених, — вперед вышла Настя, как они заранее с Анной и договорились. — Мы хотим знать, кто ведет его дело.

— Наверное, Осип Климентьевич, — почесал затылок полицейский. — Проходите на второй этаж, там его кабинет. А вы, уважаемый? — остановил он Фарруха.

— Я с барышнями, — мягко улыбнулся мужчина.

Покачав удивленно головой, страж порядка больше не стал их задерживать.

В вестибюле кроме двух отдыхающих городских больше никого не было. Даже околоточного надзирателя, про которого сестрам рассказывал Митрофан. Из самого вестибюля вела мраморная лестница на второй этаж, а по правую руку шел коридор. Куда именно, девушки не знали. Да и не до того им было.

Поднявшись на второй этаж, девушки растерялись немного. В две стороны уходил коридор, по обеим сторонам которого были двери в кабинеты. И какой из них им нужен, было решительно непонятно. Фаррух действовал проще. Выбрав одно направление, мужчина пошел по нему, поглядывая на двери. На них должны были быть таблички, и частично его ожидания оправдались. На нескольких дверях и впрямь были таблички, но лишь на одной было конкретное имя: полицмейстер Шаповалов Т. П. На остальных указывалась либо должность, либо вообще ничего. И под какой из них сидит этот самый Осип Климентьевич?

— Может, здесь? — ткнула пальцем на табличку «околоточный надзиратель» Анастасия.

Анна спрашивать не стала, а просто постучалась в кабинет. В ответ — тишина. После второго стука девушка настолько расхрабрилась, что подергала ручку. Тут-то и стало понятно, что кабинет закрыт и в нем скорее всего никого нет.

Пока Скородубовы с Фаррух-ханом искали загадочного Осипа Климентьевича, по лестнице поднялся еще один человек. Хорошо знакомый близняшкам, от чего они напряглись. Внимательно оглядев девушек, господин Михайлов молча пошел в другой конец коридора. Что

заставило прикусить их губы от досады. Фаррух заметил их напряжение, и тихонько спросил, с чем оно связано.

— Это Борис Романович Михайлов. Слугу его дочери случайно убил Роман, — также шепотом ответила ему Анна.

Тем временем Михайлов дошел до одной из дверей и постучал. А после и зашел в нее. Троица тут же поспешила в ту сторону. Дверь, за которой скрылся мужчина, «обрадовала» их новой надписью — участковый пристав.

— Нам нужно туда, — тут же подтолкнула сестру Анна.

— Но как же... — растерялась девушка.

— Если мы сейчас не зайдём, то что Борис Романович наплетет приставу, одному богу известно! — прошипела девушка.

И видя, как ее сестра все еще медлит, сама решительно постучалась, а затем и распахнула дверь.

— Подождите, у меня посетитель, — недовольно сказал офицер, стоило близняшкам зайти внутрь.

— Мы по тому же поводу, что господин Михайлов, — сразу взяла инициативу на себя Анна.

— И все же, — уже не так уверенно покосился на мужчину пристав.

— Роман Винокуров — несовершеннолетний. Его должно представлять, — не сомневаясь в собственных словах, заявила Анна. — Вот его невеста, — указала она на свою сестру. — Попрошу вас рассказать нам — что делает следствие? Вы вообще знаете, что у вас дворянин в арестной камере сидит?!

Такого напора пристав явно не ожидал и слегка растерялся. А вот Борис Романович молчать не был намерен.

— Раз его нужно представлять — то пусть. Но для этого достаточно вашей сестры, а вы здесь причем? — вскинул он бровь. И уже обратился к приставу. — Осип Климентьевич, как я и сказал — мой слуга убит. Как раз женихом одной из присутствующих здесь дам. И я требую для него справедливого наказания!

— Разберемся, — сжал зубы офицер, которому не нравилось, что ситуация выходила из-под его контроля. — Попрошу всех непрichастных покинуть мой кабинет!

— А тут таких нет, — самоуверенно заявила Анна. Она понимала, что стоит оставить тут Настю одну, и толку не будет. Вот так бы она будущего мужа от притязаний Михайлова отстаивала, как ревнует его. — Сестру одну наедине с двумя мужчинами я не оставлю. Без ее присутствия обсуждать будущее Романа? Вздор! А уважаемый Фаррух-хан является деловым партнером Романа и его задержание срывает контракт.

Услышав, что в дело замешан еще и иностранный гражданин, пристав и вовсе приуныл.

— Попрошу тогда всех, — выделил он слово голосом, — покинуть мой кабинет. Я еще не ознакомился с делом.

— Мне тоже выйти? — высокомерно подняв голову, уточнил Борис Романович.

— Такой вопрос в компетенции Терентия Павловича, — уклончиво ответил пристав. — Советую дождаться его.

Михайлов с самым недовольным видом поднялся со стула, на который успел усесться, и первым двинулся в коридор. За ним пошли и сестры с Фаррухом. Впрочем, сам перс стоял у двери и успел выйти впереди дворянина. Когда дверь в кабинет закрылась, Борис Романович посмотрел мрачно на девушек.

— Роману все равно не удастся избежать правосудия, — заявил он им. — Если только он не пойдет на сотрудничество.

— С вами? — хмыкнула Анна.

— Я — пострадавшая сторона, это естественно, — пожал плечами Михайлов.

Больше ни о чем говорить с сестрами он не посчитал нужным и прошел к стоящему в коридоре дивану. На него и уселся, закинув ногу на ногу, приготовившись к ожиданию.

Участковый пристав был мрачен. Понедельник всегда приносил неприятности. После выходных стабильно в камерах сидело как минимум по два-три человека. Обычно — простые дебоширы, что перебрали браги или хлебного вина. Вот и сегодня, когда он пришел на службу, ему сообщили о полных камерах. Разница была в том, что в их околотке было задержано аж пять человек. Двое не принесли ничего нового. Работяги перепились и подрались. Их сами соседи сдали, когда не смогли утихомирить. Такие проспят, штраф им выписать и пинком под зад обратно вернуть — на завод, где отрабатывать долг будут. А вот другая троица задержанных была куда «интереснее». И проблемнее, чего уж греха таить. Со слов Одольца — пара татей, напавшие на дворянина, да он сам, случайно пристукнувший вообще стороннего человека, попавшего под горячую руку. Дело настолько щекотливое, что со слов Виталия Ефимовича, самому их полицмейстеру пришлось срываться среди ночи и приезжать. Он-то и велел дворянина в арестную комнату посадить. Потому Осип Климентьевич Побегай сразу решил без начальства того аристократа не трогать. А вот татей он уже допросил. И понял, что дело «дурно пахнет».

Поначалу-то те запирались думали. Но пара зуботычин и не таким ухарям языки развязывает. И выяснилось, что оба «тата» — холопы аж самого Бориса Романовича! И должны они были оберегать его дочь от посягательств. Вот и выполняли приказ — скрутить того, кто к Арине Борисовне ползет. Но любовник у дочки господина Михайлова не робким оказался, да еще со слугами. В итоге сам холопов скрутил и полицию вызвал. Побегай успел прочитать то, что написал ночью надзиратель со слов и того парня и Арины Борисовны. Их показания не расходились. Но раз уж в деле замешаны люди главы дворянского собрания, то оно по определению быть простым не может.

Прибытию господина Михайлова пристав ничуть не удивился. И уже успел даже немного продумать, что говорить ему будет. Кто же знал, что кроме него в это же время заявится и невеста того неудачливого любовника, и ее сестра, и вообще — какой-то иностранец? Все мысли в тот момент улетучились из головы офицера. Он пятой точкой почувствовал, что не его это уровень. Попытаться что-то решить — только себе проблемы множить. А потому и выгнал всех вон. Уж лучше нагоняй от начальства получить за нерадивость, чем кого из аристократов обидеть. Не для того Осип Климентьевич из мещан выбивался и до своего чина дорос. Раз Терентий Павлович уже приезжал и знает о происшествии, то ему и карты в руки. А его дело маленькое — дело записать и подшить, или на полку убрать подальше — тут уж как прикажут.

Терентий Павлович шел на службу как обычно — к одиннадцати часам. Голова была тяжелой. Он вчера сильно перебрал вина, и большая часть ночи просто стерлась из его памяти. А ведь проснулся он не в своей квартире, а в салоне всем известной в городе мадам Совиной. И совершенно не помнит, как там оказался! А главное — сумел ли не опозорить честь мундира, или от алкоголя не смог показать свою мужскую силу.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие, — вытянулся перед ним караульный.

— Не ори, — поморщился Терентий Павлович.

Городовой благоразумно замолчал, не желая гневить начальство. Пройдя в вестибюль, господин Шаповалов тяжелым шагом стал подниматься в свой кабинет. Ему хотелось побыстрее дойти, рухнуть в удобное кресло, да накатить стопку чистейшего хлебного вина, чтобы хоть немного унять головную боль. Вот только в коридоре к его неудовольствию уже сидели посетители. И надеяться, что они ждут пристава или околоточного не приходилось. Стоило ему показаться, как все четверо не просто посмотрели в его сторону, но и тут же пришли в движение. Одного из посетителей Терентий Павлович знал. Да и как не знать на его посту самого

главу дворянского собрания? А вот две барышни, весьма приятные глазу, хоть и одинаковые на лицо, и один южанин не отзывались в памяти ничем.

— Терентий Павлович, — первым дошел до него господин Михайлов. — Я к вам по неотложному делу.

Мысленно поморщившись, но постаравшись никак не выдать своего недовольства, полицмейстер натянул самую учтивую улыбку из возможных.

— Конечно, Борис Романович, прошу за мной в кабинет.

— Мы тоже к вам, — вскинулась одна из девиц.

— Дамы, попрошу вас дождаться своей очереди, — вздохнул мужчина.

— Но мы по одному и тому же делу! — не сдавалась та, метнув гневный взгляд на Михайлова.

«Что ж у них случилось-то?» — проклиная похмелье и настырных девиц, возопил Терентий Павлович.

— И все же, принять вас одновременно я не смогу. Да-с, — развел он, извиняясь, руками. Девушка недовольно поджала губы и вскинула голову.

«Эх, хороша чертовка!» — восхитился статью и красотой девицы полицмейстер, после чего открыл свой кабинет.

— Прошу, Борис Романович.

Пройдя первым в кабинет, Шаповалов грузно осел в свое кресло и шумно выдохнул.

— Прошу прощения за мой вид, — сказал он дворянину. — Вчера был на дне рождения у дамы, — тут же соврал он.

Михайлов лишь понимающе кивнул, тут же перейдя к делу.

— Сегодня ночью убили слугу моей дочери. Убийца задержан, и я рад, что вы оперативно прибыли и не позволили этому мерзавцу выйти сухим из воды...

Терентий Павлович, который только налил себе стакан воды и начал пить, аж поперхнулся. Когда это он успел оперативно прибыть и что-то там сделать?

— Прошу прощения, — снова извинился он, утирая брызги воды с подбородка. — Не могли бы вы напомнить, что там за мерзавец?

Борис Романович поморщился, что не укрылось от взгляда полицмейстера. Но ему нужно было срочно вникать в ситуацию, иначе дров можно наломать таких, что за всю оставшуюся жизнь не разгрестишь. Тут же не про кражу какую разговор пошел — убийство! Это не шутки. А с учетом его ночного вмешательства, которое он напрочь не помнит, надо как можно скорее восполнить пробелы в памяти. И по мере рассказа господина Михайлова, внутри у Терентия Павловича сжимался тугий комок страха. Стало понятно, что те девицы за дверью — близкие того самого дворянина, которого он не осмотрительно приказал бросить в арестную комнату. Да, он их не знает, но кто поручится, что за ними не найдется никого серьезного? На своем веку каких только причудливых отношений между людьми не повидал полицмейстер.

— ...я хотел бы посмотреть в глаза этому проходимцу, что пытался опорочить мою дочь и убил ее слугу, — закончил свой рассказ просьбой-требованием Борис Романович.

— Понимаю ваше негодование, — покивал Терентий Павлович. — Я сейчас же позову городского, что присматривает за комнатами. А пока он идет, прошу вас подождать в коридоре.

Михайлов удовлетворенно кивнул и встал со стула. Выйдя с ним в коридор, Шаповалов прошел до лестницы и окликнул караульного.

— Кто сегодня за камерами смотрит?

— Терещенко, ваше высокоблагородие!

— Зови, — махнул рукой полицмейстер и повернулся к напряженным дамам. — Прошу за мной, — кивнул он им.

Михайлов в этот момент сузил глаза, но перечить не стал. Это полностью подтвердило подозрения офицера о причастности дам к конфликту на противоположной стороне.

— Господин полицмейстер! — жарко начала одна из дам, когда они вошли в кабинет. — Роман не виноват в смерти кучера Перовых! Это была случайность, стечение обстоятельств. На него напали! А эта... госпожа Перова позвала его, и он принял это за крик о помощи! Сами понимаете — ночь, только что отбивался от двух лиходеев, а тут крик этой девицы... разве мог настоящий мужчина, защитник, подумать, что это ее кучер заталкивает в карету, чтобы спасти, а не очередной разбойник? У Романа не было желания убить...

— Погодите, барышня, — попросил Терентий Павлович, у которого от этого потока слов и экспрессивного тона сильнее заболела голова. — Кто такой Роман? Признаться, я только прибыл на службу — да вы и сами видели, и еще не успел ознакомиться с делом в полной мере.

— Это жених моей сестры, — ткнула во вторую посетительницу девушка. — Винокуров Роман Сергеевич.

— А вы...

— Сестры Скородубовы. Анна и Анастасия.

— Ага, — кивнул собственным мыслям полицмейстер, о чем тут же пожалел — голова взорвалась от этого неловкого движения. — Ммм... давайте поступим так, я ознакомлюсь со всеми... материалами дела, а уж потом вы мне все расскажете. Ведь у вашего... эээ... будущего зятя провели опрос?

— Мы не знаем, — растерянно ответила девица.

— Уверен, его уже опросили, — заявил Терентий Павлович. — Вот сейчас я скажу подчиненным, чтобы принесли мне его показания, а там уже со всем разберемся. Не переживайте.

Тут и в дверь постучали.

— Звали, Ваше высокоблагородие? — заглянул в кабинет городской.

— Да. Там стоит господин Михайлов — проводи его, куда он скажет. И позови пристава. Кто там сегодня на службе?

— Осип Климентьевич.

— Вот его и зови, — махнул рукой мужчина, попутно выпроваживая девиц из кабинета.

И лишь оставшись один, он позволил себе шумно выдохнуть и наконец достать бутылку с очищенным хлебным вином. Наливать уже не было сил, а потому он сделал глубокий глоток прямо из горла.

— Уф-ф, — с облегчением, чувствуя, как по телу разливается тепло, а в голове начинает понемногу стихать боль, выдохнул полицмейстер.

И тут же убрал бутылку обратно. Негоже сейчас напиваться. Это только для здоровья глоток был.

— Надо бы в следующий раз смотреть, что мне у Екатерины Савельевны подсовывают. Наверняка в ее борделе сивухой споили, — пробурчал он.

И тут до мужчины дошло, что он только что отправил к задержанному, за которого так жарко просила барышня, Бориса Романовича. Тот конечно глава дворянского собрания, но что если у них там драка в комнате произойдет? А этот Роман со слов девиц — парень резкий и сильный. Вон, аж двух разбойников скрутил! Как бы чего не вышло.

— Вызывали, ваше высокоблагородие? — заглянул пристав.

— Осип Климентьевич, живо в арестные комнаты, там беда может случиться! — подскокил из кресла полицмейстер.

Ну что за день такой несчастливый? Совсем голова не соображает, а тут еще и посетители всякие дают. Главное, чтобы ничего худого не успело произойти!

Глава 3

12 сентября 1859 года

С каждой минутой сидения в четырех стенах мое настроение уходило все больше в минус. Возникали мысли — какого хрена я сразу жестко не отказал Перовой? Переживал, что она что-то «учудит»? Так она в итоге и без разговора с ней учудила. Да так, что в итоге я под замком оказался.

Шаги за дверью вырвали меня из круговорота тяжелых мыслей. Приподнявшись на локте, я оглянулся на дверь. Через минуту в ней заскрежетал ключ.

— Ну наконец-то, — выдохнул я, садясь на кровати.

Однако когда дверь распахнулась, кроме городского на пороге стоял еще и Борис Романович. Удивил. Я думал, меня проводят к приставу, и если мы и будем с ним говорить, то уже в кабинете полицейского. А он вон как сумел пролезть!

Мужчина с усмешкой осмотрел мою камеру, прошел внутрь и присел на стул, закинув ногу на ногу.

— И как вам здесь, Роман Сергеевич, нравится? — с издевкой задал он мне вопрос.

— Спокойно, — ответил я ему. — Никто на шею не бросается, уговаривая начать тайный роман, а другие не шантажируют, не чураясь манипулировать родной кровью к своей выгоде.

Бориса Романовича аж перекосило от моих слов.

— Щ-щенок, — прошипел он, — похоже, твоя наглость никуда не делась. Небось, унесешь ее с собой в могилу. Но знай, если не извинишься, то проклянешь тот день, когда пошел против меня!

— А вы ничего так и не поняли, Борис Романович, — покачал я головой. — Я не поддамся вашему наглому грабежу. И свою семью не лишу достатка. Если я где и виновен, то отвечу за это сам. Но и вы, раз ввязались в это, чистеньким не уйдете.

Лицо Михайлова покраснело от ярости. Он вскочил и хотел уже что-то мне высказать, но тут в коридоре послышался топот ног, а затем дверь распахнулась, и в комнату вбежал запыхавшийся полицмейстер с еще каким-то офицером.

— Уф... успели, — выдохнул Терентий Павлович.

— Хм? — я вопросительно поднял бровь.

Михайлов был раздражен и не стал скрывать своего состояния:

— Господин Шаповалов, как это понимать? Вы же обещали мне дать поговорить с этим мерзавцем!

— И я сдержу свое слово, но только в моем присутствии, — заявил полицмейстер.

Ого! Похоже, господин Михайлов чего-то не договорил начальнику полиции. Или каким-то образом попытался обвести его вокруг пальца, но полностью у него не вышло. Я с интересом наблюдал, как они бодаются взглядами. Ночью мне этот Терентий Павлович сильно не понравился. Да и у кого вызовет симпатию человек, ограничивший твою свободу? Но сейчас, несмотря на то, что от полицейского несло перегаром, да и лицо было опухшее от больших возлияний, мне он стал чуть больше симпатичен. Хотя бы тем, что совсем уж откровенно не плюет на закон. Вон, сам прибежал и Борису Романовичу перечит. Вряд ли от большой любви ко мне или от рвения по службе, но даже так — теперь хоть я смогу по его реакции понять, в каком месте Михайлов будет пытаться меня надурить.

— Благодарю, уже не нужно, — подавив эмоции, ответил Борис Романович.

— Тогда прошу в мой кабинет. Вы тоже, — посмотрел на меня полицмейстер. Потом подумал и добавил. — Через пятнадцать минут. Осип Климентьевич, — обратился он ко второму полицейскому, что был с ним, — принесите мне все материалы по делу. Немедленно. И пригласите затем молодого человека ко мне.

Тот исполнительно «взял под козырек» и через минуту я вновь остался один. Надо же. То томили неизвестностью, а тут гостей «полон дом», и оказывается, мое дело еще даже не рассматривали. Но такая суэта мне нравится больше, чем тишина этой комнаты.

Терентий Павлович лихорадочно думал, как ему быть в текущей ситуации. Но из-за критического отсутствия информации, выстроить свою линию поведения не получалось. И тогда он уцепился за то, что всегда срабатывало — регламент. Раз положено сначала ознакомиться с материалами происшествия, то так он и поступит. И уж потом будет решать, на чью сторону встать. Или и вовсе все также придерживаться регламента. Так надежнее.

Возле его кабинета стояли напряженные девушки.

— Что случилось? — тут же кинулась к нему одна из них.

— Все потом, — отрезал Шаповалов. — Прошу вас, Борис Романович, тоже подождать здесь, — не дал зайти за собой в кабинет дворянину полицмейстер.

— Зря вы так, — покачал головой Михайлов, но ругаться и давить не стал.

Что стало еще одним звоночком для опытного начальника. Раз такой человек, как Борис Романович, любящий пользоваться своим положением не давит — то и позиции у него не такие уж и крепкие. Нахрапом пытается взять. Значит, стоит еще внимательнее отнестись к этому делу.

Через минуту Побегай принес Терентию Павловичу папку с бумагами.

— Здесь все, что есть по поводу ночного происшествия, — заявил офицер.

— Свободны. Приведите задержанного, и пусть пока посидит в коридоре под надзором городского. Я сам потом его вызову.

Отпустив пристава, Шаповалов углубился в чтение.

Долго после этого нежданного визита в одиночестве я не просидел. Вскоре дверь снова открылась, и на пороге показался тот самый офицер, что пришел с господином полицмейстером, и городской за его спиной.

— Прошу за мной, — хмуро распорядился офицер. — Его высокородие знакомится с материалами дела и приказал привести вас к кабинету. Прошу вас соблюдать порядок, иначе городскому Терещенко придется вернуть вас в арестную комнату.

— Я вас понял, — кивнул я в ответ.

Мы прошли по коридору в вестибюль, после чего поднялись на второй этаж. А вот там меня уже ждал сюрприз в виде сестер Скородубовых и Фаррух-хана. И если нахождение девушек здесь было понятно и логично, то вот что забыл в полицейском участке перс, я совершенно не понимал.

— Роман, — радостно подскочила с дивана, на котором сидела, Настя.

Лишь наличие посторонних людей не дало ей кинуться мне на шею. Было приятно видеть такую реакцию. Анна лишь ехидно на нее посмотрела, а вот взгляд Фарруха был полон любопытства. Поздоровавшись со всеми, я расположился на том же диване. Их в коридоре было три. Два с одной стороны лестницы и один с другой.

— Не ожидал вас здесь увидеть, — сказал я персу, когда мы уселись.

— Ваш слуга пришел ко мне среди ночи, рассказав о беде, в которую вы попали, — поделился Фаррух, изрядно меня удивив. Это кто к нему побежал? Митрофан или Тихон? И главное — зачем? — Сами понимаете, в свете наших договоренностей, я не мог пройти мимо, не узнав вашу судьбу.

— Для этого не обязательно было приезжать сюда. Но я благодарен, что вы не остались безучастным, — тут же поспешил я добавить, а то мой ответ выглядел так, словно я отмахиваюсь от мужчины.

— Роман, — тихо зашептала Настя, с напряжением глядя на меня, — скажи... что у тебя с Ариной Борисовной?

— Ничего. У этой дамы бурная фантазия, которую она стремится воплотить в реальность. Из-за чего мы здесь и оказались, — вздохнул я.

— Точно? — пытливо уставилась на меня невеста.

— Абсолютно, — ответил я самым безмятежным тоном, на который был способен в данный момент.

Все же моя дальнейшая судьба неизвестна, и сохранять спокойствие мне удастся с трудом.

— Прошу вас, — выглянул из кабинета полицмейстер, дав знак Михайлову.

Я провожал Бориса Романовича с напряжением готового к броску волка. Что он сейчас будет «петь в уши» начальнику полиции? Сумеет ли настроить его против меня? Ночью ему это удалось с легкостью, но тогда и сам Терентий Павлович был в неадекватном состоянии. А сейчас? Каковы мои шансы на справедливый суд? Впрочем... если суд и состоится, то не здесь и не сейчас. Но вот вернуться в арестную комнату вероятность велика.

Пробыл господин Михайлов в кабинете не меньше двадцати минут. Однако вышел с каменным лицом, что дало мне надежду на положительный исход моего дела. Достигни он своих целей, то уже немного зная его характер, я бы ожидал увидеть злорадство или высокомерное презрение.

— Господин Винокуров, прошу вас, — позвал уже меня полицмейстер.

Кабинет Шаповалова был обставлен в духе времени. Широкий дубовый рабочий стол. За ним кресло, над которым висели два портрета — Его Императорского Величества и министра внутренних дел. Его имя я не знал, но чей еще портрет это мог бы быть? По правую руку от полицмейстера возле окна стоял шкаф с встроенным сейфом. По левую — еще один шкаф, заполненный папками. Напротив стола было лишь три стула для посетителей, один из которых был придвинут к столу, а два других стояли у стены. На придвинутый стул я и уселся.

— Итак, господин Винокуров, — прокашлялся Терентий Павлович, придвигая к себе папку с бумагами, что лежала перед ним. — Я хотел бы услышать вашу версию событий, которые... привели вас к нам, — дипломатично закончил мужчина.

Такой тон меня порадовал. Таить мне было нечего, поэтому я почти слово в слово повторил то, что рассказал еще околоточному надзирателю. Сверившись с бумагами, Шаповалов удовлетворено кивнул, а я позволил себе задать уже свой вопрос.

— Скажите, а Борис Романович не пояснил, каким боком он замешан в этом деле?

— Он переживает за честь своей дочери... — начал было Терентий Павлович, но я его перебил.

— И потому послал двух молодчиков, которые напали на меня? Так почему к нему у вас нет претензий?

Шаповалов недовольно поджал губы, но я не собирался молчать. Хватит, пора уже отстаивать свою правоту.

— И еще — меня вот задержали за убийство. Ненамеренное, подчеркну. И о том у вас есть показания не только мои, но и Арины Борисовны. Убийство слуги Перовых, а не господина Михайлова. От них были ли претензии в мою сторону?

— Не было, — мрачно ответил полицмейстер. — Однако даже если у них нет претензий, мы обязаны по закону провести расследование об убийстве.

— И что меня ждет за ненамеренное убийство? В той ситуации я защищал как раз господу Перову и не знал, что это ее слуга. Да и мысли убить у меня не было. Иначе бы и эти напавшие на меня молодчики до вас не доехали.

Пожевав губами, Терентий Павлович посмотрел на меня уже по-новому. Словно ему пришла какая-то мысль, которую до этого он даже не рассматривал.

— Знаете... — начал он медленно, — если все было так, как вы говорите... то вы невиновны. И никакого наказания вам не грозит.

Вот тут он сумел меня удивить. Я-то думал, что все — в любом случае срок получу, и от моей защиты будет зависеть только его длительность.

— И вы мне это только сейчас говорите? — не удержался я от возгласа. — У вас же перед глазами все показания!

— Не кричите, прошу вас, — поморщился Шаповалов.

Я видел, что он мучается похмельем, но раньше мне важнее было доказать свою правоту, и узнать, договорился ли полицейский о чем-то с Михайловым. Но после его слов стало очевидно, что пока никаких договоренностей нет. Да и в целом слова полицмейстера вселили в меня надежду, что перед моими глазами пронеслась лишь тень тюремного заключения, а его самого не будет. Потому я выполнил его просьбу и продолжил гораздо спокойнее.

— И все же, я не понимаю, почему вы сразу об этом мне не сказали?

— Я только вникаю в ваше дело, — буркнул Терентий Павлович. — Спешка в таких делах недопустима. Да и вашу невиновность все равно доказывать нужно.

— Но я могу подать иск за нападение на меня? — тут же уточнил я.

— Да, конечно, — кивнул мужчина.

— Тогда прошу бумагу.

Мне нужен был рычаг давления на Бориса Романовича. Только он был способен повлиять на свою дочь и зятя. Раз надо доказывать свою невиновность, а я уверен в положительном результате при отсутствии внешнего вмешательства, то нужно подстраховаться. Обменять невмешательство Михайлова на вот это самое заявление. Будет давить на суд — придется ему оправдываться самому. Отойдет в сторону — я заберу заявление.

Ситуация, еще утром казавшаяся беспросветной, резко изменилась. Написав заявление, я тут же задал новый вопрос:

— В открывшихся обстоятельствах я могу быть свободен до суда?

— Несомненно, — кивнул полицмейстер.

— Тогда всего хорошего, — тут же встал я со стула. — Благодарю за гостеприимство, — добавил я с легкой усмешкой, намекая на проведенную в арестной комнате ночь.

Когда я уходил, мне показалось, что Шаповалов вздохнул с облегчением. А может и не показалось.

— Роман, ну что? — вскочила с дивана Настя.

Анна поднялась спокойнее, хотя тоже была напряжена.

— Идем на улицу, тут душно, — махнул я им рукой.

— Господин, но... — попытался мне заступить дорогу городской, который привел меня сюда.

— Что «но»? У вас был приказ отвести меня обратно? — с вызовом посмотрел я на него.

— Нет, но...

— Можете спросить у господина полицмейстера, — махнул я рукой на дверь, — однако он сам меня только что отпустил.

Больше вопросов ко мне не было. Когда мы вышли на улицу, девушки тут же накинулись с расспросами — о чем мы говорили и чего ждать.

— Я невиновен.

Мои слова вызвали сильное удивление.

— Ты уверен? — настороженно спросила Анна.

— Насколько мне известно, в вашей стране за любое убийство сажают, — тоже скептически отнесся к моим словам Фаррух.

— Как оказалось, не за любое, — покачал я головой. — Мне о том господин Шаповалов лично сказал, когда узнал все подробности произошедшего. Потому и отпустил.

— Слава богу! — облегченно выдохнула Настя. — Я знала, что это все глупость какая-то. Не сомневалась, что тебя отпустят.

— Поэтому ты не особо рвалась его защищать? — хмыкнула Аня.

А вот это меня удивило. Но оставлю расспросы, что они делали, на потом. Сейчас важно другое.

— Прогуляемся? — предложила невеста. — И ты нам поведаешь все, что с тобой случилось.

— Нет, — отрезал я. — Едем к Перовым.

— Зачем? — возмущенно воскликнула Настя. — Ты... ты и правда любишь эту Арину?!

— Дело не в этом. И как ты вообще такое могла подумать? — удивился я. — Просто я понял, что зря пытался быть деликатным. Если бы сразу провел честный и бескомпромиссный разговор, всего этого можно было избежать. Поэтому — едем. Либо можете пока погулять, я поеду один.

— Ну нет уж, — вскинулась Анастасия. — Одного я тебя к этой девице не отпущу!

Я пожал плечами и повернулся к Фаррух-хану.

— Еще раз благодарю, что не остались в стороне.

— Бросьте, — махнул он рукой. — От меня вообще ничего не зависело. Даже стыдно за это.

— И все же. Не каждый бы решился прийти на помощь, даже чтобы просто постоять рядом. Это ведь могло бросить тень на вас. Ваш заказ я выполню в ближайшее время.

Пожав мужчине руку, мы попрощались, и я сел с близняшками в бричку, в которой они приехали.

Настя демонстративно отодвинулась, когда мы оказались внутри, что меня задело. И я решил выяснить, что Анна имела в виду, когда сказала, что та меня не рвалась защищать, но не спрашивая напрямую.

— Так как вас приняли в участке? — спросил я ее.

— Отправили к приставу, — начала отвечать Аня. — Но пока мы искали его дверь, появился Борис Романович. Он успел пройти к нему первым. Тут уж пришлось идти напролом, иначе бы неизвестно, чем все закончилось. А так — тот выставил нас всех и приказал ждать Терентия Павловича.

— Ты конечно первой зашла, — повернулся я к невесте.

Та смутилась и отвела взгляд. Но затем резко обернулась и с вызовом спросила:

— Ты так и не ответил, зачем нам к Перовым?

Ревность ее была видна невооруженным взглядом. Я таких девиц в будущем старался обходить стороной. Склочные, жизнь портят и себе и своему партнеру. Когда я давал согласие на помолвку с Настей, ничего подобного за ней не замечалось. Мне импонировало тогда, что она единственная не поверила в мою виновность в истории с Канарейкиным. Сейчас по ее словам она тоже не сомневалась, что я невиновен. Что радует. Вот только что толку от ее уверенности, если бы меня оболгали? А без помощи извне я и сделать-то ничего не мог. Ровно до суда. Да и там — кто знает, чем все могло закончиться? Суд состоит из выборных дворян, а тех можно подкупить, что очень любит по словам Марии Парфеновны делать Михайлов. И в данной ситуации поведение Анастасии мне в корне не нравилось.

— Ответил. Для разговора, — отрезал я.

После чего общаться о чем-либо мне стало неинтересно. Похоже, Настя настроена на скандал, а мне и так предстоит непростой разговор с Николаем Васильевичем. Нечего себя еще больше накручивать перед этим. Девушка решила меня демонстративно игнорировать и тоже замолчала. Оно и к лучшему. В бричке повисла напряженная тишина, которая продлилась до самого нашего приезда к дому Перовых.

Там я первым делом спросил — дома ли Николай Васильевич.

— Он на службе, — получил я ожидаемый ответ.

— Не подскажите адрес? У меня к нему срочное дело.

И получив ответ, я попросил позвать уже Арину. Когда девушка вышла и увидела меня, то на ее лице промелькнула целая гамма эмоций. Удивление, облегчение, радость, затем испуг и опаска, а в конце она воровато огляделась и поманила пальцем за собой.

— Арина Борисовна, нам нужно серьезно поговорить, — сузил я глаза.

— Ч-что? — споткнулась она, уже разворачиваясь внутрь дома.

— Поговорить, — повторил я. — Серьезно. С вами и вашим мужем.

— Н-нет, — замотала она головой. — О чем вы, Роман Сергеевич?

Вот сейчас у нее преобладал страх в эмоциях.

— Я никуда не пойду.

— Тогда разговор с вашим мужем состоится без вас. Выбирайте.

Губы Арины задрожали, и я видел, как она уже хотела захлопнуть дверь..., но в последний момент обреченно обмякла и кивнула.

— Как скажете. Подождите, я не одета для прогулки.

— Десять минут. Потом я поеду к нему на работу. С вами или без вас.

Больше я миндальничать и думать о ее чувствах не собирался. Видимо надо было посидеть немного под замком, чтобы понять, что собственное благополучие мне гораздо важнее, чем едва знакомого человека.

Почти ровно через десять минут госпожа Перова все же вышла из дома и прошла к нам. Места в бричке на четверых уже не хватало, поэтому пришлось нам ловить еще одного извозчика, специально для нее. Наверное, это и к лучшему. Иначе бы Настя могла сцепиться с девушкой, и к чему бы это привело, мне даже гадать не хотелось.

По иронии судьбы и в силу своей профессии Николай Васильевич находился в так называемом «божьем доме» и как раз осматривал труп собственного слуги. Сам современный «морг» представлял собой сарай на окраине города по соседству с небольшой церквушкой. Когда мы приехали, он как раз собирал вещи и готовился отправиться дальше по делам. Повезло, что мы его успели здесь застать.

— Вас отпустили? — удивился он, когда увидел меня.

— Как видите, — жестко усмехнулся я. И сразу перешел к делу. — Мне необходимо с вами поговорить. О поведении вашей супруги.

— Нам не о чем разговаривать, — попытался он обойти меня.

— Нет, есть, — схватил я его за локоть. — И либо вы меня выслушаете, и мы придем к соглашению, либо же репутация вашей семьи и ваша лично рухнет вниз. Посмотрим, захотят ли с вами иметь дело после этого, или у города появится новый уездный врач.

Николай Васильевич при этих словах вздрогнул.

— Хорошо, — стараясь не показать страха, кивнул он.

— Тогда давайте отойдем в сторону, разговор предстоит... не для лишних ушей.

Сестры тоже не стали оставаться в бричке, когда увидели, что я с семьей Перовых пошел по улице. Гнать их я не видел смысла. Лишь предупредил:

— Все, что вы услышите, должно остаться в тайне. Если мы с Николаем Васильевичем конечно договоримся, — пронзил я взглядом мужчину.

Лишь когда рядом не осталось посторонних прохожих, я перешел к сути. Рассказал, как Арина пыталась устроить нашу встречу. Как я уклонялся от нее, и к чему привело мое желание, не обострять ситуацию.

— Раз вы не понимаете намеков, — смотрел я дрожащей девушке в глаза, — то скажу прямо. Я не желаю и не желал быть вашим любовником. Сосредоточьтесь на муже и воплощайте свои фантазии с ним в главной роли. Никто не мешает вам встречаться ночью под луной, словно незнакомцам. Что касается вас, Николай Васильевич... вы же осмотрели труп?

— Да, — глухо ответил подавленный моими откровениями о поведении его супруги мужчина. — Умер от удара тупым предметом.

— Упал на камень мостовой. Если осмотреть место, то можно его найти. В голове ведь должна была остаться вмятина? Вот и сравните форму того камня с вмятиной — все совпадет. Свидетели тому, что убийство произошло случайно, тоже есть. Одна из них — ваша супруга, о чем она уже дала показания в полиции. Я к чему веду — по закону я невиновен, — Перов вздрогнул на этих словах, как от удара. — И только желание вашего тестя нажать на мне, считая, что ему за это ничего не будет, все еще не дает поставить точку в вопросе. Так вот, предупреждаю вас, если пойдете у него на поводу, вся эта история всплывет наружу, — угрожающе придвинулся я к нему. — Но вам всего лишь нужно выполнить без искажений свою работу, а Арине Борисовне не менять свои показания. И после суда нас ничего связывать не будет.

Убедившись, что мои слова дошли до Перова, я поставил «финальную точку»:

— Борису Романовичу можете передать — я написал встречное заявление на его людей, посягнувших на мою жизнь по его приказу. И если он хочет, чтобы уже делу против НЕГО не дали ход — пускай приходит для разговора. Я буду в городе еще пару дней.

На этом я развернулся и пошел к бричке. Сестры, не проронившие за все время ни слова, за что я им был благодарен, двинулись следом. Похоже, обе были ошеломлены, как и сами Перовы, моим напором и уверенностью. А вот я понял, что зря не завожу полезные связи, отпуская это дело на самотек. Впредь буду умнее. И начну я с разговора с Совиной, с которой и началась вся эта история.

Глава 4

12 — 13 сентября 1859 года

— Барин, вы вернулись! — радостно встретили меня Митрофан с Тихоном.

Сестер я отправил домой. Мне сейчас не до них. Настя немного подулась за это, но хотя бы сцен не стала устраивать. Да и вообще мне показалось, что ей было стыдно, что она усомнилась в моей верности. Но галочку в уме о ее поведении я сделал.

— А вы сомневались? — хмыкнул я с язвительной усмешкой. — Тихон, отправляйся в бордель и передай там, что я хочу видеть госпожу Совину. И добавь, что если она желает продолжить наше сотрудничество, ей лучше прибыть поскорее. Иначе она может забыть о хороших отношениях со мной.

— Как скажете, барин. Я стрелой туда и обратно, — тут же подхватился обрадованный парень.

Небось снова рассчитывает на «французскую любовь» или нечто подобное. Но думаю, тут его ждет разочарование. Мало кому нравится, когда ему ставят условия. А я сейчас именно так поступаю с Екатериной Савельевной. Мне нужно понимать, насколько я для нее важен. И что особенно приятно — если она демонстративно откажется и не придет, мне это тоже будет на руку. Мне и раньше сотрудничество с ней казалось сомнительным, а сейчас я лишь убедился в этом. Ведь она могла бы и сказать о характере Перовой, но промолчала. В общем, надо полностью определиться с дальнейшим форматом наших отношений. Конечно, дама с ее связями может помочь мне приобрести новые в этом городе. Но все люди, с которыми она меня познакомит, будут относиться ко мне через призму моих отношений с сутенершей. Всегда будет небольшой «ледок». Поэтому лучше и вовсе обрубить все сомнительные контакты через нее. Вон, случай с Кауровым показателен. На такого человека я хоть и вышел через Екатерину Савельевну, но узнал он обо мне от Марии Парфеновны. Так почему бы мне не сменить того, кто будет принимать заказы на создание портретов, пока меня нет в городе?

Пока ждал Екатерину Савельевну, времени я не терял. Фаррух меня сильно удивил. Сорваться ради малознамого человека, не зная, как ему помочь, но не сидеть в стороне... Это было сильно. Поэтому я принялся делать набросок к той картине, которую он просил. Пожалуй, даже отказывать его друзьям не буду, хоть там и сомнительные картины с обнаженной женской грудью придется рисовать. Но мужчина за них поручился, а я ему теперь доверяю гораздо больше.

Стук в дверь застал меня на моменте нанесения первого слоя краски. Взглянув на напольные часы, которые стояли в комнате, я мимоходом отметил, что прошло почти два с половиной часа. Не торопилась Екатерина Савельевна.

— Здравствуйте, Роман Сергеевич, — величественно кивнула мне дама, заходя в комнату. — Признаться, я удивлена, что вы ставите мне какие-то условия.

— Но вы на них пошли, — заметил я.

— Только из уважения к вам, — фыркнула Совина.

— Не могу сказать того же в ответ.

— Дерзите, молодой человек, — впервые на моей памяти попыталась «показать характер» эта дама. — Моя профессия не делает меня недостойной, какие бы предрассудки не ходили по этому поводу.

— Дело не в профессии. Вы подставили меня, Екатерина Савельевна, из-за чего у меня появились весьма серьезные неприятности. Как мне иметь с вами теперь дела?

Вот сейчас вся надменность с нее спала. Она тут же подобралась и постаралась максимально нейтрально спросить:

— И каким же образом это случилось? — но голос ее выдавал. Быть «проблемной» она не хотела совершенно.

— Рассказывая о необычном заказе, вы утаили сведения о характере госпожи Перовой. Что она романтическая натура, к тому же не стесняющаяся воплощать любые свои фантазии в жизнь, невзирая на мнение незнакомцев.

— Но разве это было не очевидно? — пожала плечами женщина. — Другая подобный заказ и не сделала бы.

— У людей бывают разные тараканы в голове. Но чаще всего они держат их при себе и страдают либо сами, либо еще их близкие. Но тут... — покачал я головой. — К тому же вы тактично забыли упомянуть о ее родственных связях...

— К чему вы клоните? — не выдержала дама.

— К тому, что госпожа Перова захотела сделать меня своим тайным любовником, не обращая внимания на мое мнение. У нее из этого ничего не вышло, но вот ее отец воспринял это, как шанс надавить на меня. С этими проблемами я уже почти разобрался, однако хотел бы знать — нет ли еще чего-то, о чем вы тактично забыли мне сообщить?

Да, прежде чем переходить к возможному сотрудничеству, если оно вообще будет, мне хотелось прощупать Совину. И мысль, что она могла мне еще о чем-то не рассказать, сама собой напрашивалась. Судя по слегка дрогнувшему лицу дамы, я попал прямо в точку.

— Есть одно предложение для вас, о котором я умолчала. Но оно как раз из тех, которые вы, Роман, не любите.

— Что за предложение?

— Одному моему посетителю очень понравились наряды, что вы сделали для моих девочек. Настолько, что он хочет заказать новые. Помня нашу договоренность, ваше имя я ему не называла. Он готов заплатить тысячу рублей за это. Возьметесь?

Я задумался. Стоит ли мне снова в это лезть? И почему мне чудится некая недосказанность в словах Екатерины Савельевны?

— Откуда мне знать, что вы говорите правду, а не пытаетесь таким образом «купить» меня от лица незнакомца, если в прошлый раз вам пришлось придумывать целую комбинацию для получения желаемого?

— Верить или нет, дело ваше, — пожала та независимо плечами.

Деньги — это конечно хорошо. Вот только я уже пожалел, что согласился на один из «необычных» заказов. И наступать на те же грабли не собираюсь.

— Я отказываюсь.

— Подумайте, Роман Сергеевич, деньги не малые, — не сдавалась Совина.

— Что от них толку, если они несут проблемы?

— Ну какие проблемы от простых тряпок?

— Были бы они «простыми» спора бы и не было. Вы слышали мой ответ.

— Как скажете. Я передам ваши слова своему посетителю.

— Впредь я попрошу вас больше не брать сомнительных заказов. Я их просто не приму, так и знайте, — поставил я точку в этом вопросе. — Это все, что я хотел вам сказать.

Она поджала недовольно губы. Я ей только что недвусмысленно указал на дверь. Сначала вызвал, словно она моя служанка или простая наемная работница, а как высказал все, что хотел, то гоню прочь. И мы оба это понимали. Я только что четко провел меж нами линию. Я — дворянин, а она — мещанка с сомнительной репутацией, предлагающая не менее сомнительные услуги. Она мне не ровня, и если будет пытаться «играть» со мной, то вот также с легкостью будет вновь поставлена «на место». Стерпит ли Совина подобное? Я был уверен, что внешне — да. Но вот друзьями после такого нам точно не быть. Еще и подлянку может устроить. Но я твердо решил не только обзаводиться связями, но и обрубить все сомнительные.

Или перевести их на такой уровень, где ни у кого не появится ложных впечатлений о моих взаимоотношениях с главной сутенершей города.

— Доброго дня, Роман Сергеевич, — с каменным лицом пожелала мне Екатерина Савельевна.

— До свидания, — кивнул я ей.

Когда Совина ушла, я вернулся к работе над картиной, параллельно думая над своими дальнейшими действиями. Решить обзавестись связями — это хорошо. Но как это сделать? План на самом деле был прост и опять же подсказан, пусть он сам об этом и не знает, господином Кауровым. Мне нужен человек, который будет «продвигать» меня здесь. Мое имя. Для начала — через портреты. И на эту роль вместо Совиной я видел госпожу Аверьянову. Согласится ли она? Не поговорю, не узнаю. Но это уже похоже на первый шаг плана. Дальше можно все-таки воспользоваться той бумагой, что сейчас лежит у моей мамы, и посетить местного главу магистрата. Лучше всего прийти с каким-нибудь предложением, а не для простого разговора. Это второй шаг. И неплохо было бы собрать сведения о Шаповалове. Полицмейстер — не последний человек в Царицыне, раз даже глава дворянского собрания не смог на него надавить. В друзья к нему я набиваться не буду, но узнать, что у Терентия Павловича за душой и какие есть болевые точки было бы полезным.

Проведенная ночь в полиции словно стряхнула с меня некую сонную одурь, в которой я пребывал до этого. Когда я только попал в это время, главной моей задачей было — не раскрыть себя. С этим я справился, цель была достигнута. Но дальше никакой новой я себе не поставил. Просто жил и хотел жить безбедно. В какой-то степени плыл по течению. Сейчас я получил хороший урок — так поступать нельзя. Видимо эта же причина стал тем фактором, почему в прошлой жизни я не достиг значимых результатов, хотя полным дураком никогда не был. Пора меняться. Не только Роману Винокурову, но и Юрию — тому парню тридцати лет, каким я был. И в качестве первой цели можно поставить себе — стать значимым человеком в уезде. Настолько, чтобы со мной стали считаться.

Завершил я работу ближе к вечеру. Все-таки из-за обилия персонажей пришлось много слоев краски наносить и ждать, когда каждый слой высохнет. Я помнил, что люди должны были быть облачены в европейское платье. Но тут было проще. Оно от русского, особенно у аристократов, мало отличается.

Обед я пропустил, а есть уже хотелось сильно. Чуть подумав, к близняшкам я ехать отказался. Завтра с ними встречусь. Необоснованная ревность Насти мне не понравилась. И ладно бы это, но получается, что пока я сидел в участке, она даже не подумала бы мне помочь, если бы не ее сестра. Иного вывода из намеков Анны и реакции моей невесты я сделать не могу.

— Митрофан, — позвал я конюха, — закладывай тарантас, едем в ресторан.

— Праздновать будете, барин? — понятиво улыбнувшись в бороду, уточнил мужик.

— Нет, просто поесть.

Деньги у меня были, так почему бы себя не побаловать? В животе только утренняя каша была, и он уже урчать начал.

Кроме самого приема пищи была у меня еще и скрытая надежда, что увижу там кого-нибудь из уже знакомых дворян. В свете моих планов на обзаведение связей, было бы неплохо начать просто поддерживать случайные знакомства. Увы, в ресторане люди были, но никого из них я не знал. Царицын город хоть и небольшой, но все же и поселком его не назовешь. А я раньше даже не пытался знакомиться с как можно большим количеством людей.

Уже под конец ужина одно знакомое лицо я все же заметил. Это был мужчина в военной форме. Его я видел у Скородубовых на собственной помолвке — друг Петра Егоровича. Тут уж я стесняться не стал и подошел поздороваться.

— Рад приветствовать вас, Яков Димитрович, — улыбнулся я офицеру, служащему в порту чиновником строительной части. А все из-за ранения, полученного в прошедшую Крымскую войну.

Мужчина был лыс, с пышными усами и протезом вместо левой ноги.

— Роман Сергеевич, — вспомнил меня он. — Взаимно рад. Вы проездом?

— По делам. Я присяду?

— Располагайтесь, — махнул он рукой на свой стол.

Я жестом показал официанту подать мне стул, после чего с удовольствием сел. Сам Яков Димитрович Картавский был не один, а с сыном. С молодым парнем чуть старше меня я тоже поздоровался. Он уже служил на корабле мичманом. А ведь недавно именовался гардемаринном — такое звание получали воспитанники и выпускники морского кадетского корпуса. Мы обменялись новостями, я упомянул о скором завершении строительства лесопилки и уже начавшемся, пусть и в тестовом режиме, производстве игрушек. Яков Димитрович рассказал пару баек о матросах, что по его словам способны найти себе приключение даже на дне морском. После чего я плавно подошел к теме картин, поделившись, что по глупости взялся за заказ, принесший мне лишь неприятности.

— Подробностей рассказать не могу, так как давал слово о сохранности тайны, — сказал я. — Но теперь чувствую, что я трачу свой талант зряшно. И видимо Бог меня за то наказал. Вот мне и пришла мысль, почему бы не направить свои силы на благие дела?

— У вас есть что-то на примете? — тут же спросил офицер.

— Вы ведь участвовали в последней военной кампании. Да, она закончилась для нас неудачно, но флот проявил себя в высшей степени достойно. Вот я и подумал, почему бы не запечатлеть подвиг из той войны на холсте? И сделать свой посильный вклад в дело поднятия боевого духа и в память для потомков?

— Очень правильное решение, — закивал Яков Димитрович. — Но вы ведь не просто так упомянули мое участие?

— Да. Вы согласитесь стать моим проводником в те события? Мне нужен очевидец, который опишет все настолько подробно, что я смог бы «увидеть» те мгновения собственными глазами. Понимаете, о чем я?

Глаза офицера загорелись.

— Я с удовольствием помогу вам и согласен стать вашими «глазами».

— Прекрасно! Скажите, я могу надеяться, что вы завтра свободны? Хотя бы вечером? Мне не хотелось бы откладывать.

— Приму вас с удовольствием у себя дома. Думаю, Пантелею тоже будет интересно послушать и «увидеть», как все тогда было, — посмотрел он на сына.

Тот тут же энергично кивнул.

Договорившись о времени и получив его адрес, я попрощался с Картавскими. Моя задумка была проста — завести собственные связи в военной среде. А что может их расположить ко мне, как не то, что касается их напрямую? Сам я не из их среды, только являюсь будущим зятем одного офицера. Зато, учитывая мои способности, я могу нарисовать для них картину боевого сражения. За раз я это точно не сделаю, так тем даже лучше. Во время работы смогу общаться с Яковом Димитровичем, что позволит создать впечатление уже обо мне самом. А сама картина станет моей визитной карточкой у других офицеров. Меня будут судить уже не как какого-то портретиста и зятя моряка, а художника, пишущего баталии. Интересующегося военным делом и историей своей страны. Тут и мое владение яхтой в мою пользу пойдет. В общем, я обоснованно считал, что мой шаг станет той ступенькой, что позволит зацепиться за общество военных моряков и пусть не стать среди них своим, но и чужаком для них не быть.

В съемную комнату я возвращался в самом хорошем расположении духа. День закончился в разы лучше, чем начался!

Поместье Михайловых

— Щ-щенок, — в который раз цедил Борис Романович, с брезгливостью смотря на бумагу.

Час назад ему принесли вызов в полицейский участок явиться завтра для дачи показаний по делу о совершении организации налета на представителя дворянского сословия. Мужчина сильно жалел, что не мог как следует прижать полицмейстера. Напрямую не надавишь — всех полицмейстеров утверждает губернатор лично, который сидит аж в Саратове. Доступа к уху Его превосходительства мужчина не имел. Записаться на прием можно, но тут нужны именно личные связи, а не бюрократический аппарат. Грешки за Терентием Павловичем имелись, но не такие, чтобы позволили его безнаказанно шантажировать. Приходилось уговаривать, давить на то, что в некоторые дома Шаповалову могут закрыть дверь, да просто усложнить ему службу. Но перегибать в этом деле нельзя. А то ведь полицмейстер может и свою власть применить, или чего хуже — напрямую губернатору отписать.

И вот он — результат такого бессилия. Молодой Винокуров на свободе, да еще посмел на него заявление написать! И главное — его приняли. Терентий Павлович мог бы встать на сторону Михайлова, если ситуация спорная, а за его оппонентом нет силы. Именно к такой ситуации и пытался подвести полицмейстера мужчина. Вот только дочь вместе с ее мужем наотрез отказались чуть исказить свою версию событий! Так еще и Николай вместо того, чтобы написать «правильное» заключение о смерти своего слуги, выдал такое, что теперь засудить щенка не получится, не имея серьезных связей в суде. Да и смысл в этом всем теряется. Тот уже однозначно высказался — откупных от Винокуровых ждать не приходится. Борис Романович еще надеялся, что пока Роман будет под арестом, договориться с его отцом. Тот-то не был извещен о позиции своего отпрыска, да и какому отцу понравится, что его наследник будет гнить в тюрьме? Но сейчас и этот шанс пропал. Можно не сомневаться, уж с этой стороны парень тоже прикрылся, раз как-то сумел надавить на Перовых. Придется делать то, что Михайлову было особенно унижительно — идти договариваться не на своих условиях. Иначе ведь он сам может под арест попасть.

Борис Романович вспомнил, как его люди собирали сведения о парне и в числе прочего принесли новость о том, что враг Винокуровых в итоге попал под арест, а затем был вынужден идти на сделку и выплатить огромную сумму, чтобы остаться на свободе.

— Ну уж шиш ему, а не деньги, — прошипел мужчина. — Пусть будет доволен тем, что я просто стану закрывать глаза на его существование.

Утро порадовало мягкой постелью и отсутствием городского за дверью. Всего одну ночь взаперти провел, а уже начинаю ценить такие вот «мелочи жизни».

Позавтракав, первым делом я отправился к Фарруху. Картина готова и тянуть с ее передачей я не видел смысла.

Мужчина мне обрадовался. А как увидел картину, так и вовсе расцвел.

— Не ожидал, что так быстро управитесь, Роман Сергеевич, — сказал он, с удовольствием смотря на холст.

— Вы ведь тоже не тянули, когда узнали о моем заточении, — сделал я ответный реверанс. — И кстати, я завязал с «сомнительными» портретами. Но для ваших друзей готов сделать исключение. На тех же условиях.

— Рад это слышать. Я передам им.

Надолго впрочем задерживаться в гостях у перса я не стал. Следующим по плану я наве­стил Антона Антоновича. Архитектор при моем появлении чуть ли не бил копытом.

— А я уж заждался вас, Роман Сергеевич, — чуть ли не тяня меня за руку, проводил меня мужчина в свою комнату-кабинет. — Вы говорили, что вам срочно, а сами задержались.

— На то были причины, — ответил я уклончиво.

— Вот, — развернул передо мной чертеж Невеселов. — Ваш гостевой дом. Все, как вы и просили — четыре комнаты, клозет, в подполе место для отопительной печи, а на чердаке — бак с водой. Вот тут я еще и две комнаты для слуг позволил себе вставить, а то вы верно запомнили о том.

Тут он прав. Как-то я не подумал, что гости со своими слугами могут прибыть.

— Благодарю, и правда запомнил.

Выплатив остаток за первый чертеж, мы перешли к обсуждению второго. Тут еще работы архитектору предстояло много. Все же целый комплекс зданий не просто спроектировать, но и увязать их в единую систему. Самое сложное в этом было — продумать канализацию. Хамам требует гораздо больше воды, чем обычная баня. Да и бассейн я тоже планировал устроить в нем с подогревом. Плюс — мой разговор с Али не прошел даром, и попутно я внес корректировки в изначальный проект с учетом того, что узнал от купца про хамамы. Так массажные столы теперь будут не в отдельных домах расположены, а станут пристройкой к основному сооружению. Хамам превращался в центровое здание, вокруг которого будет все выстроено. Про кабинеты для стрижки я тоже не забыл, решив, что будет неплохо такие тоже добавить в проект. В итоге Антону Антоновичу придется переделывать все наброски, что он уже успел начать. Ну да ничего, я пообещал добавить сто рублей за такие кардинальные изменения, что добавило мужчине энтузиазма.

Основные планы на сегодня выполнены, можно и Настю навестить. Да поговорить обстоятельно о ее ревности.

— Правь к дому Скородубовых, — скомандовал я Митрофану.

Тот отложил недоделанную дудочку и с хэканьем ударил вожжами по крупу кобылы. В голове я прокручивал, какие вопросы и как стоит задать. Наедине это сделать вряд ли получится, хоть и хотелось бы. Да и с Анной откровенно поговорить стоит. С каким посылом она мне намекнула на поведение сестры? Ради чего? Знать ее мотивы тоже желательно. Это такая своеобразная забота о сестре, чтобы сейчас я до свадьбы с ее поведением разобрался, и потом проблем не было, или нечто иное?

Но все вопросы к близняшкам мне пришлось временно отложить, так как у подъезда их дома меня уже поджидали. При моем появлении неизвестный мне мужичок подскочил и протянул конверт.

— Господин, приказано вам передать лично в руки и дождаться вашего ответа.

И только прочитав послание, я понял, что до Бориса Романовича дошли известия о моем заявлении, и он приглашал меня к себе на разговор. Ну что же, я ждал своей судьбы целую ночь, подождет и господин Михайлов пару часов.

— Скажи, к трем пополудни я подъеду.

Ну а сейчас меня ждет невеста и непростой разговор.

Глава 5

13 сентября 1859 года

Квартира Скородубовых

— Здравствуй, — открыла мне дверь Анна.

— И вам доброго здоровья, Анна Петровна, — ухмыльнулся я с улыбкой.

— Порешали все неотложные вопросы, Роман Сергеевич? — приняла она мой шуточный тон.

— Еще не все, но большую часть. А где Анастасия?

— Сидит в комнате, — вздохнула девушка.

— И не желает меня видеть? — вскинул я бровь.

— Все еще осмысливает ваше поведение, — хмыкнула девушка.

Я посмотрел на нее с немым вопросом в глазах.

— То она считала, что вы ей не верны, то на ее глазах отчитали чужую жену... Она в смятении, — развела руками Анна.

— Я тоже, — кивнул я хмуро и прошел к спальне сестер.

На мой стук никто мне не открыл. Пришлось самому толкать дверь. Настя сидела на кровати, отвернувшись к окну. Учтывая, что вид там открывался на проезжую улицу, не заметить стоящий там мой тарантас девушка не могла. Решила свой гонор показать? Или что? Но и уходить без разговора я не собирался. Прошел к стулу, что был приставлен к столу, и сел на него. Анна зашла за мной, но осталась у порога. Этакая надзирательница, чтобы мы с ее сестрой ничего худого не совершили.

— Здравствуй, — произнес я.

В ответ — молчание. Даже не повернулась. Я хмыкнул и повернулся к Анне.

— Знаешь, по какому признаку мужчины выбирают себе спутниц жизни? — спросил я девушку.

— И по какому? — с любопытством спросила Аня.

— Поддержка. Вера в своего избранника. Опора ему. Помнишь, как вы с отцом усомнились в моих словах, а твоя сестра — нет? — Аня кивнула, а Настя чуть повела головой, чтобы лучше расслышать мои слова. — Это стало для меня тем знаком, что я могу связать с ней свою жизнь. До того ведь мне уже пытались навязать невест. Те же Уваровы. Но одна — капризная и ставящая свои интересы и желания выше, чем интересы мужа или семьи. Вторая — тихоня, что никак себя проявить не могла. Поэтому я приложил все усилия, чтобы отказаться от помолвки с ними. А ведь это было бы гораздо выгоднее для нашего рода. Уваровы — наши соседи. С которыми у нас отличные отношения, да и дело общее есть. Но я увидел, как Анастасия верит в мою невиновность и защищает меня. Даже не боясь идти против своей семьи, хотя на вид — тихоня и робкая. Это меня подкупило. Я не посмотрел, что выгоды для рода в нашем браке особо-то и нет. Для меня важнее было — что я получу свою даму сердца, которая не отвернется в трудную минуту. А такие часто бывают. Ту, что способна встать со мной плечом к плечу, даже если весь мир будет против. Неужели я ошибался?

Аня промолчала, взглянув на сестру. Та тоже не торопилась смотреть на меня, но как-то сжалась вся.

— Скажи, — обратился я к Анне, так и не дождавшись никакой реакции от моей невесты, — для чего ты намекнула мне на то, что твоя сестра не предпринимала никаких попыток мне помочь? Что тобой двигало?

Вот этого вопроса Аня совершенно не ждала и растерялась.

— Я-я... — протянула девушка, не зная, что сказать. — Я разве намекала? — взяла она себя в руки и перешла в атаку.

— А разве нет?

Я ждал ответа. Хоть от кого-нибудь от сестер. Но те молчали. Настя как-то сгорбилась и так и не повернулась, а Анна захлопнула рот и насупилась.

— У нас лишь помолвка, — так и не дождавшись слов, повернулся я к спине Насти. — Мы еще не муж и жена. И после того, что я увидел в твоём поведении, когда мне было по-настоящему трудно, я сомневаюсь, стоит ли нам идти под венец, — девушка вздрогнула всем телом. — В этот раз, как я понимаю, меня кинулась защищать твоя сестра. И если бы я сейчас делал выбор между вами, то Анна, — тут я посмотрел на упомянутую девушку, — ты бы однозначно стала моей фавориткой. Но хочешь ли ты этого? Подумай над моим вопросом — для чего ты намекала мне про поведение своей сестры.

Сказав все, что хотел, пусть и не получив пока ответов, я встал со стула и двинулся к двери.

— Как будете готовы к разговору — приходите. Обе. И там уже решим, стоит ли нашим семьям родниться.

С этим я покинул квартиру Скородубовых. Окликать меня никто не стал.

— Ну и что ты молчала? — накинулась на сестру Анна, стоило Роману уйти.

— А что мне говорить было? — огрызнулась Настя.

Слова Романа до сих пор звучали в ее голове. В них было разочарование. Ей. Своей невестой. И девушке показалось, что парень не прочь был бы поменять партию на ее сестрицу.

— Что на тебя вообще нашло? — не унималась Аня. — Что за детские обиды ты тут устроила?

— А почему он вчера первым делом к Перовым помчался? — вскинулась девушка.

— Мы же были с тобой там. Ты сама все слышала!

— И потом он нас просто до дома проводил и снова куда-то убежал, — обиженно заявила Настя. — Словно отмахнулся! Мы в полицию с тобой побежали, а он? Спасибо этому персу, который вообще палец о палец не ударил, сказал — а на нас ноль внимания! Разве тебе не обидно?

— Можно подумать, ты много сделала, — фыркнула Аня.

— И ты о том не преминула Роману рассказать, — со злостью накинулась Настя на сестру. — А и правда — чего ты хотела этим добиться? Тебе он стал нравиться? Сама у Сокольниковых говорила, что он еще юн и ему лет пять надо пожить, пока он тебе интересен станет. А сейчас что? Вот для чего ты вообще тогда свой язык распустила?! — подскочила с кровати девушка.

— Да чтобы ты перестала вести себя как дура! — вспылила в ответ Аня. — У тебя жених в арестную комнату попал, а ты в первую очередь ревностью озабочилась? Его ведь могли и не выпустить...

— Чушь, — отмахнулась Настя. — Роман был невиновен, о том и полицмейстер сказал. Сама видела, его прямо из кабинета отпустили. Мы могли туда и не приходить.

— Дура ты, — устало выдохнула девушка и опустилась на кровать.

— Это почему еще? — возмутилась Настя.

— Жизни не знаешь, — просто сказала ее сестра. — Если бы не наше появление, то полицмейстер мог подумать, что за Романа некому вступиться. А он не показался мне честным и порядочным человеком. Было бы иначе, и Роман бы ночь в полиции не провел по его приказу. И твой жених это прекрасно понял. А почему я ему намекнула на твое поведение... — тут Аня снова тяжело вздохнула. — Знаешь, я тебе завидую, — вдруг призналась она, вызвав шок у сестры. — Роман хоть и юн, но ведет себя гораздо старше своего возраста. К тому же честный и верный. Я бы и правда не отказалась с тобой местами поменяться. Жаль, что я тогда поверила в рассказни этого мошенника Канарейкина. Могла бы сейчас вместо тебя невестой быть.

— Ты у меня отнять его хочешь? — насупилась Настя.

— Второй раз дура, — просто констатировала Аня. — Если бы хотела, не стала бы тебе в своих чувствах признаваться. Нет, я хоть и жалею, что Роман тебе достался, но хочу вам счастья. А его не будет, если ты себя не поменяешь. И намек я сделала, чтобы вы уже сейчас отношения выяснили. В этой непростой ситуации. И выводы сделали. У вас впереди еще год, чтобы определиться — играть свадьбу или нет. Без испытаний вы можете не узнать друг друга. И тогда потом, уже будучи мужем и женой, все гораздо хуже может закончиться. Уж лучше тогда и вовсе свадьбу не играть, коли вы даже сейчас уже начинаете цапаться.

Анастасия смутилась. Таких слов от сестры она не ожидала.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Я... я постараюсь все исправить.

Поместье Михайловых

— Здравствуйте, Борис Романович, — сухо кивнул я мужчине, заходя в его кабинет.

— Здравствуйте, Роман Сергеевич, — ответил он мне в тон.

То, что наши отношения далеки от дружеских, стало бы понятно любому, кто мог наблюдать нашу встречу, даже не зная нас в лицо. Господин Михайлов не вышел меня встречать лично, как это принято при приезде гостей. Более того, меня провели к нему в кабинет, словно он чиновник какой, а я на прием записался. Так он даже не потрудился встать из кресла, когда я зашел. Все эти моменты за те несколько месяцев, что живу в этом времени, я уже научился «считывать». А потому и сам решил ответить на такое показное хамство соответственно. Ведь это он меня позвал, а не я напросился.

Оглядевшись и заметив стул, я без разрешения подтянул его и поставил боком к столу, после чего уселся и облокотился локтем на рабочий стол Михайлова. Тому это сильно не понравилось, аж прищурился, но промолчал. Я тоже не спешил начинать разговор и спокойно разглядывал интерьер, словно и нет тут никого кроме меня. Хватило Бориса Романовича минут на пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.